

УДК 316.472.47+316.334.2

ЮЛИЯ СЕРЕДА,

кандидат социологических наук, научный сотрудник отдела мониторинговых исследований социально-экономических трансформаций ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”, Киев

Социальный капитал как ресурс минимизации негативных последствий общественной трансформации: опыт стран Центрально-Восточной Европы

Аннотация

Статья посвящена обзору характеристик социального капитала в странах Центрально-Восточной Европы в период посткоммунистических трансформаций и евроинтеграции, а также способов укрепления этого ресурса. Рассматриваются оптимальные стратегии становления социального капитала в Украине. На основе данных мониторинга Института социологии НАН Украины, методом структурных уравнений (SEM) протестированы модели связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью на национальном и региональном уровнях. На основе моделирования доказано, что развитие доверия “сверху”, через административное усиление эффективности государственных институтов, сегодня является оптимальной краткосрочной стратегией обеспечения социального капитала в украинском обществе.

Ключевые слова: *социальный капитал, Центрально-Восточная Европа, трансформации, доверие, общественное участие, институциональная эффективность*

Социальный капитал обычно рассматривают как набор ресурсов, способствующих социальной согласованности общества: нормы и ценности, которые позволяют регулировать и облегчать кооперацию индивидов и организаций в различных социальных контекстах. Ключевое значение социального капитала состоит в том, что он увеличивает способность и готовность к сотрудничеству, улучшает контроль и соблюдение контрактов. Это, в свою очередь, уменьшает трансакционные издержки взаимодействия отдельных

агентов, которые возникают из-за неопределенности и отсутствия информации, и, таким образом, обеспечивает “мягкое” решение социально-экономических проблем.

Необходимость учета различий в уровне социального капитала является одним из основных фокусов реформирования стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ), в частности в рамках политики усиления консолидации отдельных частей Европейского Союза. Признается, что социальный капитал может быть тем ресурсом, который способствует росту эффективности институтов, инновационности, становлению демократии и экономическому росту на разных уровнях социальных сетей [Knack, Keefer, 1997; Welzel, Inglehart, Deutsch, 2005]. Сравнение социального капитала, выраженного в доверии, гражданской активности и нормах кооперации, свидетельствует, что страны ЦВЕ — новые члены ЕС обладают меньшим ресурсом социального капитала по сравнению со старыми членами ЕС, что создает препятствия на пути их модернизации [Parts, 2013]. Предыдущие исследования социального капитала в Украине показывают, что по показателям институционального доверия и гражданской активности мы существенно уступаем не только социальным государствам Скандинавии и традиционным западным демократиям, но и посткоммунистическим странам, присоединившимся к ЕС [Середа, 2013]. Это может быть существенным барьером модернизации украинского общества в контексте евроинтеграционного фокуса внешней политики. Данная статья посвящена обзору характеристик социального капитала в странах ЦВЕ в период посткоммунистических трансформаций и евроинтеграции, а также стратегий укрепления этого ресурса, которые могут быть полезными для Украины.

Ресурс социального капитала в странах ЦВЕ и его трансформации в ходе реформ

Предполагается, что основными причинами низкого уровня социального капитала в странах ЦВЕ являются деформации этого ресурса в коммунистическом прошлом и сложности трансформационных процессов. Ряд исследователей объясняет низкий уровень распространения межгрупповых связей особенностями посткоммунистической идеологии. Люди создавали ниши в своих личных сетях, которые состояли из “сильных” связей с “надежными другими”, что позволяло нецензурируемый обмен [Flap, Vulker, 2003]. Сети со “слабыми” связями тоже существовали, но они были основаны исключительно на принципах командной экономики и не развивали основу для взаимного доверия. Существует мнение, что низкий уровень доверия возник в результате формирования специфической структуры населения с разделением на две неравнозначные группы — “обычные люди” и привилегированный класс номенклатуры; обе группы имели сильные связи на уровне семьи и друзей, но практически не взаимодействовали с другими группами [Rose, Mishler, Haerpfer, 1997]. Это привело к меньшим и более закрытым социальным сетям в странах с переходной экономикой, если сравнивать со странами с длительной историей рынка.

Трансформации приводят к росту неопределенности, которая, в свою очередь, обуславливает снижение оптимизма относительно будущего, потерю ощущения контроля над собственной судьбой и соответственно ухудшение общего уровня доверия. Поскольку переходный период ознаменовался

быстрым разрушением доминирующих ценностей (в случае ЦВЕ — идеологического монизма, эгалитаризма и коллективной собственности), это усилило негативный социальный капитал: неправовые практики и нормы кооперации. Переходная экономика, как правило, характеризуется высоким уровнем бедности, неравенства, безработицы и конкуренции на рынке труда, что также влияет на восстановление социальных связей и сетей сотрудничества. Усланер доказывает, что в посткоммунистических странах связь между ростом экономического неравенства и низким уровнем доверия отличается от стран Западной Европы, поскольку в таких странах равенство не было результатом нормальных социальных взаимодействий и рыночных сил, а скорее навязывалось государством [Uslaner, 2003].

Ряд исследователей подчеркивают, что сохранение разрыва в уровне социального капитала между западными демократиями и ЦВЕ детерминировано низким уровнем экономического развития и низким качеством институтов [Fidrmuc, G6rxhani, 2005]. Низкий уровень институционального доверия в странах ЦВЕ, как правило, объясняется сложностями ускоренного формирования институтов рынка и демократии. Хотя большинство европейских посткоммунистических государств имеют демократические конституции и институты, западная модель демократии с высоким уровнем доверия и гражданской активности в большинстве случаев не работает [Vadescu, Uslaner, 2003]. Значительное количество людей поддерживают демократию и голосуют на национальных выборах, но при этом обладают высоким уровнем недоверия к политикам и партиям, за которых голосуют.

Общие проблемы формирования социального капитала в регионе ЦВЕ, включая Украину, выражаются в распространенной *неформализации* связей, *высоком уровне негативного социального капитала* и *низком уровне институционального доверия*.

Неформализация. Конвенционная экономическая теория базируется на предположении о существовании эффективного законодательства, государственного и арбитражного регулирования, обеспечивающих приоритет формальных правил игры. При таких условиях неформальные правила, особенно нелегальные, составляют высокую цену и поэтому не должны использоваться. Различные исследования подчеркивают, что доминирование неформальности — характерная черта образования социального капитала в странах ЦВЕ. Согласно опросу элит в регионе ЦВЕ, каждый пятый респондент в Чешской Республике, Словении и Румынии и примерно каждый третий респондент в Болгарии утверждали, что их страна является “обществом, где правила определяются законом, однако люди склонны решать дела неформально”; а каждый пятый респондент в Болгарии и Румынии характеризовал свою страну как “общество с противоречивыми законами, которые люди в основном игнорируют” [Grudeland, Aasland, 2007].

Неформальные связи, согласно определению, выходят за пределы государственного регулирования, например в процессе производства и распределения товаров и услуг, а также различаются по характеру их конечной цели (легальный, нелегальный или уголовный) [Castells, Portes, 1989]. Неформальные связи устанавливаются через социальные сети семьи, друзей и близкого окружения, в которых доверие и лояльность между их членами составляют основополагающий принцип. Основываясь на работах Радаева, можно определить пять основных элементов неформализации правил, характерных для стран ЦВЕ [Radaev, 2002]. Во-первых, формальные правила

определяются государственными должностными лицами таким образом, что остается пространство для их интерпретации и возникает высокий уровень неопределенности для участников рынка. Во-вторых, в процессе противостояния высоким затратам на соответствие формальным правилам экономические агенты создают специальные структуры управления, чтобы избежать формальных правил на систематической основе. В-третьих, государственные должностные лица устанавливают выборочный контроль, при котором формальные правила используются для давления на отдельных экономических агентов. В-четвертых, экономические агенты, в свою очередь, торгуются с государственными должностными лицами по условиям формального выполнения правил. В-пятых, возникает пространство аргументов для легитимации незаконных практик.

Основные модели взаимодействия формальных и неформальных институтов: дополнение, замещение и конкурирование [Guasti, Dobovsek, 2011]. Пример стран ЦВЕ свидетельствует о существовании большого количества неформальных институтов, конкурирующих и замещающих формальные структуры. При этом ключевым фактором, способствующим сохранению “плохих” неформальных институтов, является недостаточная эффективность государственных институтов. Исследование в Венгрии показывает, что укрепление неформального сектора происходит за счет низкой ценности активов государства. В процессе евроинтеграции Венгрии этот вакуум государственных активов заполнялся увеличением роли иностранных инвестиций и неформальных сетей [Bögöcz, 1993]. Поскольку приток иностранных инвестиций достиг значительного уровня, а формальный сектор экономики оказался слабым и неподготовленным для этого, начал расширяться неформальный сектор. Неформализация усиливалась вследствие налоговой нагрузки.

Отдельные исследователи определяют важную роль неформальных связей для экономического развития ЦВЕ. Хотя значительная часть населения понесла потери во время постсоциалистической трансформации и в процессе евроинтеграции, определенные группы смогли использовать ресурс неформальных связей для адаптации и впоследствии институционализировать такие связи. Можно сказать, что различные модели пересечения неформальных и формальных сетей определяют ограничения и преимущества трансформации. Исследование взаимодействия сельских жителей с местными администрациями в Словакии показывает, что хотя неформальные связи строятся между отдельными субъектами, функционируют они с тем, чтобы выполнять задачи, которые часто выходят за рамки личных целей [Torsello, 2003]. Например, решение о поддержке сельского головы, несмотря на его сомнительное поведение, в ряде случаев определяется тем, что этот выбор может иметь выгоду для сельского общества в целом, так как этот руководитель знает нужного человека в нужном месте. Сик и Велман приводят пример успешной забастовки водителей такси в Будапеште [Sik, Wellman, 1999]. Неформальная сеть, которая по своему происхождению была частью неформального сектора экономики, сыграла значительную роль в оформлении предпринимательской деятельности как квазикорпоративной сети и для регулирования отношений с государством.

Признается критическое значение неформальных связей как ресурса для выживания в условиях кризиса. Петр Метею, сравнивая ситуацию в ЦВЕ и Западной Европе, приходит к выводу, что социальный капитал, основанный на неформальных сетях, играет значимую роль в выработке

успешных стратегий решения проблем [Mateju, 2002]. Однако он также утверждает, хотя и без эмпирических доказательств, что такой капитал может помешать развитию рыночных механизмов и экономического роста.

Высокий уровень негативного социального капитала. Неформализация может создавать благоприятную среду для коррупции и клиентелизма, негативно влияет на развитие демократии, поскольку ослабляет верховенство закона, ограничивает прозрачность, способствуя злоупотреблению властью, нарушает конкуренцию, уменьшает ответственность и препятствует социальной интеграции.

При трансформации в большинстве стран ЦВЕ было зафиксировано усиление негативного социального капитала¹. Кризисные явления, в частности внезапное разрушение старых институтов и создание новых, сформировали благоприятную среду для сохранения и дальнейшего накопления негативного социального капитала в форме теневой деятельности и коррупции. Население большинства посткоммунистических стран ЦВЕ после смены режима, но до вступления в ЕС, подчеркивало рост коррупции в повседневной жизни (рис. 1). Отчеты по проблемам коррупции в странах ЦВЕ — новых членах ЕС свидетельствуют, что сферы, которые больше всего страдают от неправовых теневых практик в этих странах, наблюдаются и в Украине; это политические партии (отношения с частными медиа и бизнес-группами), судебная система, органы здравоохранения, образования, региональные правительства и дорожная полиция [Guasti, Dobovsek, 2011].

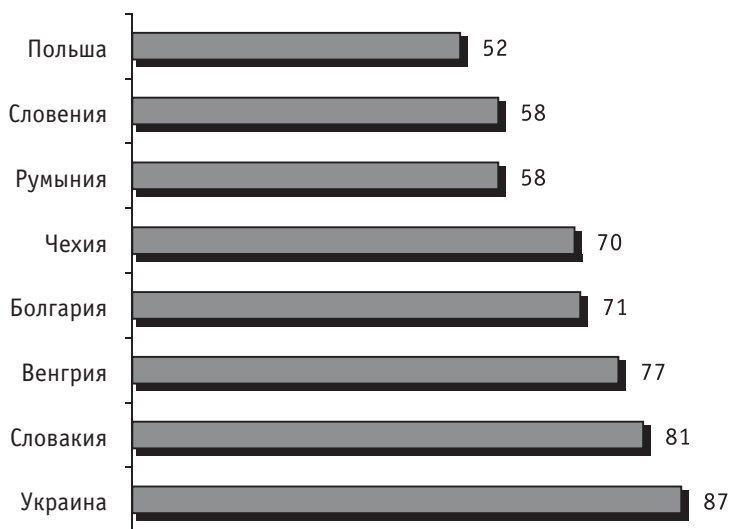

Рис. 1. Доля лиц, которые считали, что коррупция возросла после смены режима, %

Примечание: На основе вопроса: “Как Вы считаете, по сравнению с прежним коммунистическим режимом уровень коррупции вырос, не изменился или уменьшился?”
Опрос был проведен в 1997–1998 годах (в России в 1999–2000 годах).

Источник: Global Corruption Barometer (GCB).

¹ Поскольку коррупция является ресурсом уменьшения транзакционных издержек, однако приводит к снижению доверия, она часто рассматривается как лучший из доступных способов измерения негативного социального капитала.

Влияние евроинтеграции на уменьшение коррупции в странах ЦВЕ было неоднозначным. Только Польша демонстрировала стабильное улучшение индекса восприятия коррупции с момента вступления в ЕС (табл. 1). Вместе с тем Польша была меньше поражена проблемой коррупции по сравнению с другими странами региона. В Словении, Словакии, Чехии и Венгрии коррупция фактически осталась на уровне 2004 года. Сейчас Болгария и Румыния демонстрируют самые высокие показатели распространенности коррупции среди стран-членов ЕС, но даже по сравнению с ними уровень коррупции в Украине выше.

Таблица 1

Динамика индекса восприятия коррупции в странах ЦВЕ, в пунктах

Страны ЦВЕ	2000	2004	2007	2011	Разница между годом вступления в ЕС и оценкой 2011 года
Польша	4,1	3,5	4,2	5,5	+2,0
Словения	5,5	6,0	6,6	5,9	-0,1
Румыния	2,9	2,9	3,7	3,6	-0,1
Чехия	4,3	4,2	5,2	4,4	+0,2
Болгария	3,5	4,1	4,1	3,3	-0,8
Венгрия	5,2	4,8	5,3	4,6	-0,2
Словакия	3,5	4,0	4,9	4,0	0
Украина	1,5	2,2	2,7	2,3	

Примечание: Индекс характеризует восприятие уровня коррупции в среде бизнеса, ученых и аналитиков; колеблется от 10 пунктов (коррупция почти отсутствует) до 0 (очень высокий уровень коррупции).

Учитывая, что в 2012-м была изменена методология расчета, оценки 2012–2014 годов нельзя сравнить с предыдущими годами.

Источник: Global Corruption Barometer (GCB).

Стоит отметить, что программа расширения ЕС предусматривает совместную со странами-кандидатами на вступление работу по принятию и реализации законодательства ЕС. Несоблюдение стандартов подвергалось критике, однако наказание не практиковалось. Так было до 2006 года, когда на основе критической оценки состояния верховенства права и коррупции в Болгарии и Румынии Еврокомиссия отложила запланированную дату их вступления до внедрения институциональной реформы в обеих странах. Кроме того, ЕС не только отложил вступление, но и, в отличие от случая расширения 2004 года, усилил прямые рычаги влияния на политику Болгарии и Румынии после вступления в ЕС [Guasti, Dobovsek, 2011].

Членство ЕС и реформы под руководством “*acquis communautaire*” немало повлияли на развитие стран ЦВЕ, однако уровень коррупции в регионе существенно не снизился, несмотря на значительные инвестиции в программы борьбы с коррупцией. Сейчас антикоррупционная политика пересматривается в сторону усиления гражданского общества вместо финансирования государственных антикоррупционных программ. Сильное гражданское общество рассматривается как тот ресурс, который сможет контро-

лирование коррупции и стать движущей силой для обеспечения фактической реализации законов.

Низкий уровень институционального доверия. Недоверие к государству и социальным институтам достаточно высоко в большинстве стран ЦВЕ. Согласно данным Европейского социального исследования в странах ЦВЕ, присоединившихся к ЕС, в течение всего периода евроинтеграции и на текущий момент, Европейскому парламенту доверяют больше, чем национальному (табл. 2).

Таблица 2

**Динамика уровня институционального доверия, %
(доля тех, кто скорее или полностью доверяет)**

Институты	Страны	2004	2006	2008	2010	2012
Доверие к национальному парламенту	Болгария	–	7	5	6	5
	Чехия	8	–	10	11	12
	Венгрия	11	11	6	20	18
	Польша	4	5	6	10	7
	Словения	18	18	20	7	8
	Словакия	7	17	16	7	10
	Украина	27	5	2	4	4
Доверие к Европейскому парламенту	Болгария	–	32	27	30	23
	Чехия	23	–	17	18	19
	Венгрия	34	28	18	25	18
	Польша	18	23	20	24	20
	Словения	23	29	25	13	15
	Словакия	27	28	31	20	13
	Украина	29	21	17	19	22
Доверие к судебно-правовой системе	Болгария	–	10	7	7	7
	Чехия	14	–	19	20	21
	Венгрия	23	22	16	24	25
	Польша	7	12	13	18	12
	Словения	16	19	20	10	12
	Словакия	12	17	20	11	9
	Украина	18	6	5	3	5
Доверие к милиции	Болгария	–	22	16	18	17
	Чехия	19	–	26	27	34
	Венгрия	32	33	21	31	34
	Польша	23	29	31	36	34
	Словения	27	31	31	28	38
	Словакия	21	25	26	22	18
	Украина	3	2	1	1	1

Источник: Европейское социальное исследование (ESS), расчёты автора.

После вступления в ЕС доверие к судебной-правовой системе несколько возросло в Чехии, но почти не изменилось в Венгрии, а в Польше, Словакии и Словении сначала фиксировалась положительная динамика роста доверия, а в последние годы тенденция меняется на противоположную. Доверие к милиции во всех перечисленных странах существенно не меняется, начиная с 2004 года. Предыдущие исследования показывают, что быстрые политические и экономические изменения, такие как в Польше, приводят к росту доверия [Raiser, 1997]. Вместе с тем, доверие — довольно нестабильный феномен. Опросы, проведенные в странах ЦВЕ в 1990-е годы, показывают, что рост доверия в начале трансформаций объяснялся положительными ожиданиями относительно политических и экономических реформ [Raiser, 1999]. Однако неэффективная работа правительства быстро влияла на ухудшение ожиданий и снижение доверия. В Украине на протяжении 2000-х рост доверия к институтам наблюдался только в 2004 году, что было связано с высокими ожиданиями перемен к лучшему после “Оранжевой революции”.

Сегодня руководства (рекомендации) и финансовая поддержка стран — новых членов ЕС направлены на увеличение эффективности государственных институтов, поскольку предполагается, что это основной механизм усиления легитимности государства. В свою очередь, рост легитимности государственных структур должен способствовать формированию климата доверия.

Стратегии укрепления социального капитала в странах ЦВЕ

В последние годы политика стран — новых членов ЕС существенно изменилась в сторону поддержки относительно формирования социального капитала, что произошло главным образом под давлением и при поддержке ЕС. Так, была улучшена правовая база, регулирующая доступ граждан к публичной информации, внедрены новые возможности участия граждан в процессе принятия решений, утверждены нормативные документы по децентрализации государственной власти и административная реформа. Вместе с тем для всех этих стран способность обеспечить эффективную реализацию утвержденных стратегий и руководств (рекомендаций) стала вызовом. Государства должны были восполнить дефицит социального капитала, однако для надлежащей работы сами нуждались в нем.

В течение 2003–2006 годов был проведен ряд исследований среди заинтересованных сторон, включающих углубленные интервью, круглые столы и национальные квотные опросы в Чехии, Словении, Болгарии и Румынии [Grudeland, Aasland, 2007]. В целом было опрошено 2400 респондентов, среди которых избранные представители власти, лидеры политических партий, прокуроры и судьи, представители местного бизнеса, иностранных компаний, чиновники, отвечающие за государственные закупки, представители СМИ и общественных организаций. По результатам исследований в восприятии элит 10 первостепенных шагов развития социального капитала выглядят следующим образом: усиление верховенства закона (39%), увеличение доверия к государству (39%), изменение ментальности через институт образования (38%), усиление правопорядка (31%), внедрение нового и лучшего законодательства (24%), более прозрачная государственная администрация (22%), увеличение эффективности и независимости судебной

системы (22%), усиление подотчетности политиков/чиновников (20%), усиление антикоррупционных органов и законодательства (18%) и внедрение этических и профессиональных кодексов (14%).

В этом контексте для Украины наиболее важным является обеспечение таких стратегий:

1. *Более активная роль государства в формировании эффективных государственных институтов.* Институциональное развитие, основанное на политических и административных реформах, постепенно усиливает легитимность институтов, их эффективность, подотчетность, ответственность и прозрачность. В условиях надежных государственных институтов обеспечения безопасности и прав можно ожидать увеличения доверия.

2. *Развитие гражданского общества и стимулирование участия.* Гражданское общество предполагает определенный нормативный консенсус и существование посреднических структур, которые способствуют интеграции индивидов в социально-политический порядок, помогая найти компромисс в сочетании индивидуальных и институциональных интересов в процессе решения проблем. Хотя пространство гражданского общества находится вне государственного воздействия, важно, какие условия создает государство для его развития. Государственные и местные органы власти могут способствовать развитию общественных организаций и их признанию, оказывая им поддержку в формах грантов, социального заказа и передачи части полномочий. Более того, важны привлечение общин к планированию и мониторингу государственных инициатив, обеспечение их возможностями участвовать в принятии решений. Опыт стран ЦВЕ демонстрирует успешность стимулирования гражданской активности путем внедрения механизмов прямой демократии, которая побуждает граждан участвовать в коллективной деятельности, создавая ассоциации, для того чтобы иметь возможность оказывать большее политическое давление на правительство. Успешность таких инициатив в существенной степени зависит от того, насколько лица, принимающие решения, доступны и подотчетны на местах. Однако наличие механизмов участия, если отсутствует реакция со стороны органов власти на голос общины, приводит к росту недоверия и дальнейшей дезинтеграции общества.

3. *Развитие ценностей кооперации, участия и сплоченности через образование.* Исследования показывают, что поколение, которое социализировалось в переходный период, в большей степени подвержено трансляции ценностей демократии и рынка и имеет больший ресурс межгрупповых связей [Parts, 2013]. Вместе с тем, учитывая институциональные деформации в процессе перехода, не понятно, будут ли и в какой мере новые поколения более активными и ответственными гражданами или же склонными использовать ресурс связей в первую очередь для максимизации собственной выгоды, а не общего блага в ответ на несовершенство системы. Есть необходимость инвестировать в распространение европейских ценностей, усиливать осведомленность о своих правах, обеспечивать условия для активного общественного участия на базе института образования.

4. *Укрепление социального капитала через экономическое развитие.* Существует опыт, что при благоприятной экономической ситуации растет доверие к институтам, усиливается государственно-частное партнерство, кооперация между бизнесом и общинами. Эта стратегия предполагает не толь-

ко увеличение стандартов жизни среди населения, но и развитие благоприятного пространства для малого и среднего бизнеса, стимулирование предпринимательства. Большое значение имеет расширение доступа к финансовым ресурсам и увеличение доверия между населением и финансовыми организациями, развитие микрофинансирования.

Становление социального капитала в Украине: государство или гражданское общество?

Опыт стран ЦВЕ свидетельствует, что Украина сталкивается с теми же проблемами, что и другие страны региона: приоритет неформальных связей, коррупция, низкое доверие к институтам. Однако все эти проблемы имеют значительно больший уровень распространения. События Революции достоинства не привели к преодолению кризиса институционального доверия в Украине. Начало 2014 года сопровождалось всплеском доверия к большинству институтов, но уже весной динамика становится преимущественно отрицательной [Балакірева, Дмитрук, 2014]. Недоверие к правоохранительным органам, милиции, прокуратуре, профсоюзам, общественным организациям и СМИ достигло максимального значения за последние десять лет. Максимальный уровень доверия проявляется в сети ближайших социальных связей: семье и родственникам доверяют больше 90%, относительно высок уровень доверия к коллегам по работе и соседям [Українське суспільство, 2013]. Дисбаланс доверия к людям и доверия к институтам ставит неформальные нормы и правила поведения выше формальных законов. Более половины (51%) опрошенных считают ресурс знакомств лучшим инструментом в решении проблем и защите прав, и только 11% придерживаются мнения, что отношения в пределах общественных или политических организаций лучше способствуют преодолению жизненных проблем [Українське суспільство, 2013].

Согласно стратегии Президента и Плану действий Правительства, начиная с 2014 года запланировано внедрение более 60 реформ и специальных программ, которые будут запускаться максимально одновременно: антикоррупционная реформа, люстрация, судебная реформа, реформа правоохранительных органов, децентрализация, налоговая реформа и другие. Параллельно страна будет внедрять условия подписанной ассоциации с ЕС. Несмотря на потенциальные блага от таких реформ, в краткосрочной перспективе их социальные последствия могут усилить неравенства, вызвать недовольство широких масс населения и увеличить социальную напряженность. Успешные реформы обязательно должны основываться на формировании социального капитала, в первую очередь, в виде доверия и общественного участия.

Формирование социального капитала начинается с создания сети агентов, которая аккумулирует ресурсы, необходимые для решения определенных проблем (рис. 2). Институциональные изменения и реформы требуют кооперации рынка, государства и общин. Вместе с тем такая кооперация не всегда включает все указанные стороны, что может приводить к социальной дезинтеграции. Решение проблем вне реального сотрудничества происходит скорее в интересах конкретных групп, а не общества в целом, что провоцирует конфликт между участниками. В таких условиях формируется негативный социальный капитал.

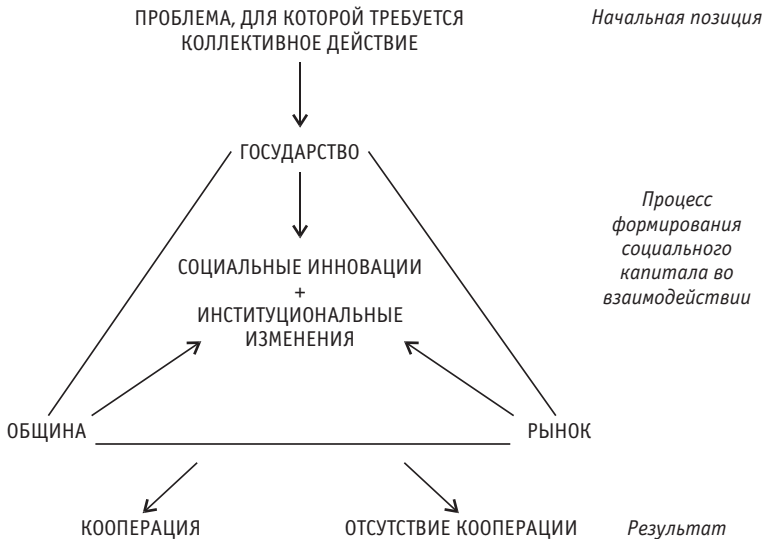

Рис. 2. Схема формирования социального капитала в процессе решения коллективных проблем

Источник: [Murray, 2005].

Кооперация между обществом и государством, государством и рынком, как правило, осуществляется в пространстве гражданского общества — общественных организаций, профессиональных объединений или политических партий. Учитывая, что в украинском обществе реальное участие и использование ресурсов гражданского общества для решения проблем характерны для очень малой части населения, можно предположить, что этот механизм будет работать на укрепление социального капитала отдельных индивидов и групп, однако его действенность для консолидации общества в целом будет ограниченной. Другая стратегия — уменьшение трансакционных издержек реформ посредством формирования климата доверия. Это может быть формирование доверия как “снизу” — через гражданское участие, так и “сверху” — путем обеспечения подотчетности, прозрачности и эффективности государственных институтов административными рычагами.

Следует отметить, что причинная связь между социальным капиталом и подотчетными, прозрачными и эффективными институтами до сих пор является предметом дебатов. Ряд исследователей считают, что государство через институты, главным образом, центральные и местные органы власти, может формировать социальный капитал посредством определенной политики и создания надлежащих условий [Levi, 1996; Lowndes, Wilson, 2001]. Другие подчеркивают, что именно ресурс социального капитала определяет эффективность институтов. Отдельные исследователи вообще утверждают, что государство может только уничтожить социальный капитал, как это происходило в посткоммунистических странах, однако не может его создать, поскольку он существует вне государственного пространства в пределах гражданского общества [Petro, 2001]. В любом случае большинство авторов соглашаются, что без надлежащих условий на макроуровне, а именно действенных социальных и экономических институтов, укрепление доверия и стимулирование активности граждан достаточно проблематичны.

Я предполагаю, что социальный капитал является тем ресурсом, который аккумулируется на начальном этапе в процессе коллективных действий для решения определенной проблемы (рис. 3). Сначала социальный капитал позволяет трансформировать активы связей в коллективное действие через участие в организациях гражданского общества для решения определенных проблем. Такое действие создает “общественный эффект” социального капитала, позволяет, с одной стороны, решить проблему, а с другой — обеспечить институциональную эффективность. В случае наличия обратной связи и решения проблемы формируется доверие и к институтам, и к организациям гражданского общества, что также отображается в росте генерализованного доверия. Собственно доверие становится ресурсом, который стимулирует дальнейшее общественное участие как действенный формальный механизм использования связей.

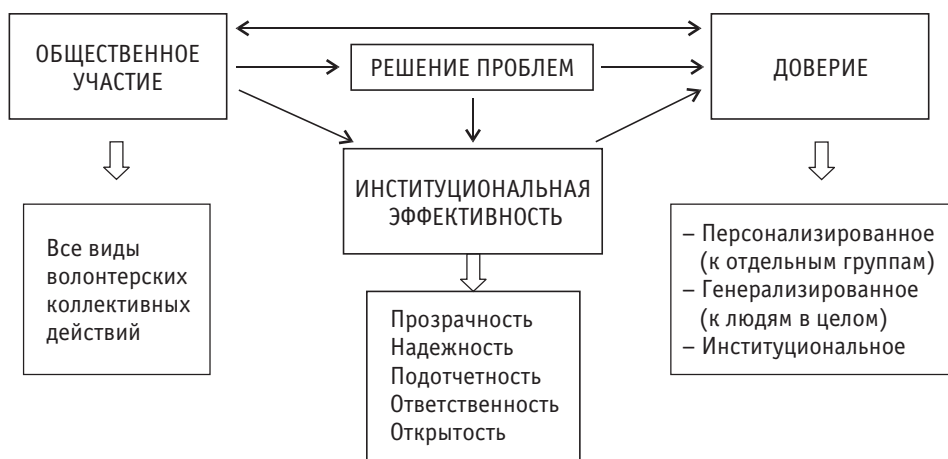

Рис. 3. Теоретическая модель связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью

Низкий уровень гражданской активности в Украине позволяет предположить, что связь между общественным участием и институциональной эффективностью будет достаточно слабой, а может и вообще отсутствовать. Однако эффективные институты сами по себе могут производить доверие, как институциональное, так и генерализованное. Поскольку механизм формирования доверия предполагает наличие повторяющихся взаимодействий с положительным результатом, можно предположить, что в случае соприкосновения с прозрачными и эффективными институтами доверие будет формироваться вне пространства организаций гражданского общества.

С целью проверки указанных предположений предлагается эмпирический анализ мониторинга Института социологии НАН Украины за 2014 год. Индикаторы, распределение частот и средних отражены в таблице 3.

Индикаторы социального капитала включают членство в общественных организациях и доверие, а индикаторы институциональной эффективности — удовлетворенность государственными институтами и ощущение положительных изменений в условиях жизни. Согласно подходу Кнека и Кифера, в анализе разделены общественные организации Олсона и организации Патнема. Клубы по интересам, экологические движения, обществен-

ные организации, творческие союзы, спортивные клубы и общества, студенческие и молодежные организации являются организациями Патнема, они менее склонны действовать как “редистрибутивные коалиции” и в большей степени способствуют укреплению доверия и распространению навыков кооперации. Профсоюзы, профессиональные объединения, религиозные организации, политические партии и объединения фермеров являются примерами организаций Олсона; они скорее представляют объединения, участие в которых направлено не столько на общественное благо, сколько на максимизацию индивидуальной/групповой выгоды. Институциональное доверие — агрегированное доверие к институтам государственного управления (центральные органы власти), институтам безопасности и охраны прав, экономическим и социально-политическим институтам.

Таблица 3

Перечень индикаторов для эмпирического моделирования связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью

Индикатор	Описание	% или среднее значение
СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ		
Членство в общественных организациях		
Членство в организациях Олсона (участвуют vs нет)	На основе вопроса: "Членом каких общественных организаций, объединений или движений Вы являетесь?" К организациям Олсона отнесены профсоюзы, профессиональные объединения, политические партии, религиозные организации и объединения фермеров. Индикатор рассчитан как бинарная переменная: члены по крайней мере одной организации из приведенного списка vs и другие	Украина — 6%
		Запад — 13%
		Центр + Север — 5%
		Юг — 4%
		Восток — 5%
Членство в организациях Патнема (участвуют vs нет)	На основе вопроса: "Членом каких общественных организаций, объединений или движений Вы являетесь?" К организациям Патнема отнесены клубы по интересам, экологические движения, общественные организации, фонды или ассоциации, творческие союзы, спортивные клубы, студенческие и молодежные организации Индикатор рассчитан как бинарная переменная: члены по крайней мере одной организации из приведенного списка vs другие	Украина — 6%
		Запад — 5%
		Центр+ Север — 7%
		Юг — 5%
		Восток — 7%
Доверие	На основе вопросов: "В какой мере Вы доверяете...?" — Семье и родственникам — Соседям — Коллегам Шкала Лайкерта (1 — "Совсем не доверяю", 5 — "Полностью доверяю") Индикатор рассчитан как среднее значение доверия к указанным группам	Украина — ср. зн. 3,8 (ст. откл. 0,7)
		Запад — ср. зн. 3,8 (ст. откл. 0,7)
		Центр+Север — ср. зн. 3,8 (ст. откл. 0,7)
		Юг — ср. зн. 3,7 (ст. откл. 0,6)
		Восток — ср. зн. 3,8 (ст. откл. 0,7)
		Донбас — ср. зн. 3,8 (ст. откл. 0,7)

Окончание табл. 3

Доверие к институтам (1 – <i>min</i> , 5 – <i>max</i>)	На основе вопросов: "В какой мере Вы доверяете...?" – Президенту – Верховной Раде – Правительству – Армии – Милиции – Прокуратуре – Судам – Налоговой инспекции – Банкам – Страховым компаниям – Частным предпринимателям – СМИ – Церкви – Политическим партиям – Благотворительным фондам и общественным организациям Шкала Лайкерта (1 – "Совсем не доверяю", 5 – "Полностью доверяю") Индикатор рассчитан как среднее значение доверия к указанным институтам	Украина – ср. зн. 2,3 (ст. откл. 0,6)
		Запад – ср. зн. 2,5 (ст. откл. 0,6)
		Центр+Север – ср. зн. 2,3 (ст. откл. 0,7)
		Юг – ср. зн. 2,3 (ст. откл. 0,6)
		Восток – ср. зн. 2,3 (ст. откл. 0,6)
		Донбасс – ср. зн. 2,1 (ст. откл. 0,6)
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ		
Удовлетворенность государственными институтами (1 – <i>min</i> , 3 – <i>max</i>)	На основе вопросов: "В какой мере Вы удовлетворены ...?" – Работой органов местной власти – Работой жилищно-коммунальной службы (ЖЭКов и т.п.) – Работой местного отделения милиции Шкала (1 – "Скорее не удовлетворен", 2 – "Трудно сказать, удовлетворен или нет", 3 – "Скорее удовлетворен") Индикатор рассчитан как среднее значение ответов на перечисленные вопросы	Украина – ср. зн. 1,7 (ст. откл. 0,6)
		Запад – ср. зн. 1,9 (ст. откл. 0,6)
		Центр + Север – ср. зн. 1,7 (ст. откл. 0,6)
		Юг – ср. зн. 1,7 (ст. откл. 0,6)
		Восток – ср. зн. 1,7 (ст. откл. 0,6)
		Донбасс – ср. зн. 1,7 (ст. откл. 0,6)
Восприятие позитивных изменений в условиях жизни (1 – <i>min</i> , 5 – <i>max</i>)	На основе вопросов: "Как Вы оцениваете характер изменений, которые произошли в Вашей жизни за последние 12 месяцев относительно...?" – Материальных условий семьи – Медицинского обслуживания – Условий отдыха во время отпуска – Условий отдыха и досуга после работы – Возможности получения достоверной информации о том, что происходит в стране и мире – Условий воспитания детей – Возможности свободно выражать собственные взгляды – Возможности участвовать в культурной жизни – Экологической ситуации (состояния окружающей среды) – Защищенности от произвола власти, чиновников – Гарантий занятости, обеспечения работой – Личной безопасности (на улице, в общественных местах) Шкала Лайкерта (1 – "Значительно ухудшились", 5 – "Значительно улучшились") Индикатор рассчитан как среднее значение ответов на перечисленные вопросы	Украина – ср. зн. 2,5 (ст. откл. 0,6)
		Запад – ср. зн. 2,8 (ст. откл. 0,5)
		Центр+Север – ср. зн. 2,5 (ст. откл. 0,6)
		Юг – ср. зн. 2,6 (ст. откл. 0,5)
		Восток – ср. зн. 2,5 (ст. откл. 0,5)
		Донбасс – ср. зн. 2,5 (ст. откл. 0,6)

Удовлетворенность государственными институтами включает удовлетворенность работой органов местной власти, ЖЭКа и милиции, то есть фактически отражает институциональную эффективность на местном уровне. Ощущение позитивных изменений в условиях жизни — агрегированная переменная, которая отображает самооценки изменений в различных сферах жизни за последний год — от изменений в условиях медицинского обслуживания до изменений относительно защищенности от произвола властей. Этот индикатор отражает, насколько успешно по оценкам населения решение коллективных проблем. Контрольные переменные включают пол, возраст (10-летние интервалы), уровень образования (высшее образование или его отсутствие), самооценку материального положения (1 — минимум, 10 — максимум), тип поселения (село или город). Гипотетическая модель связей, которая проверялась, приведена на рисунке 4.

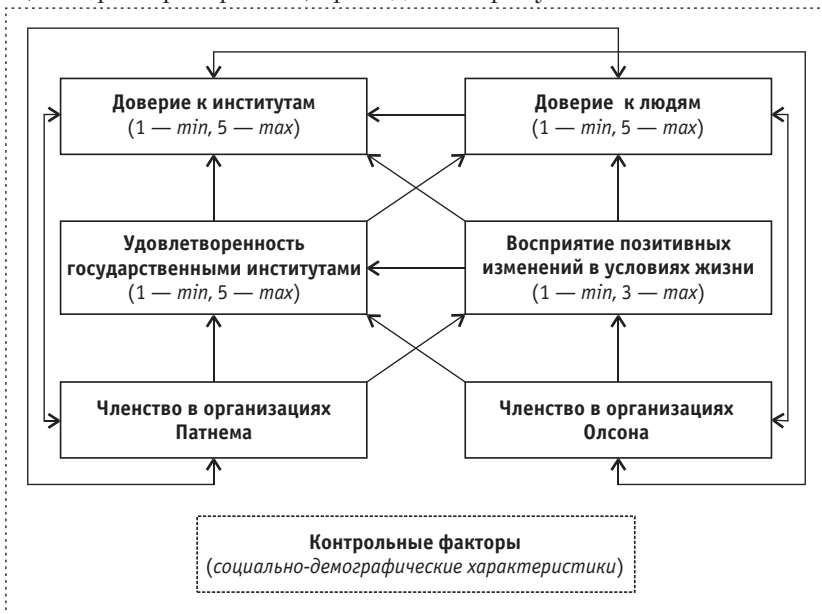
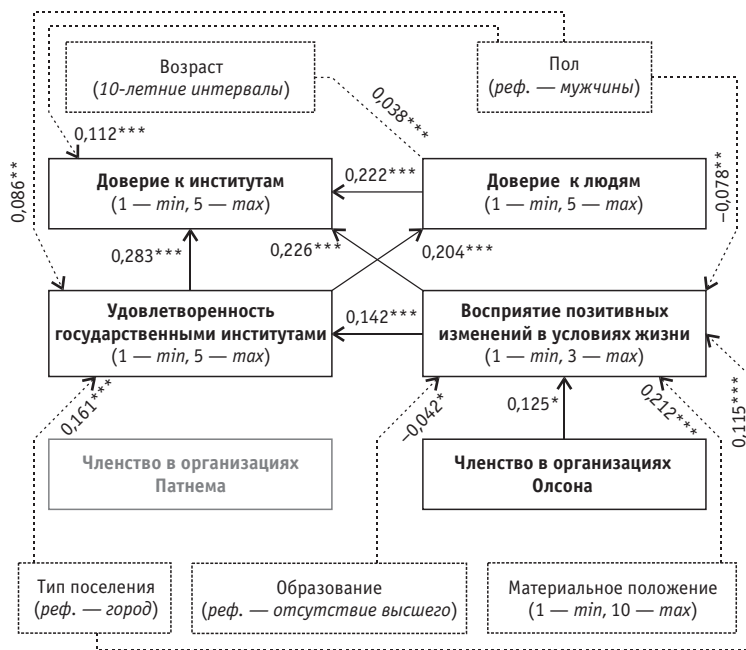

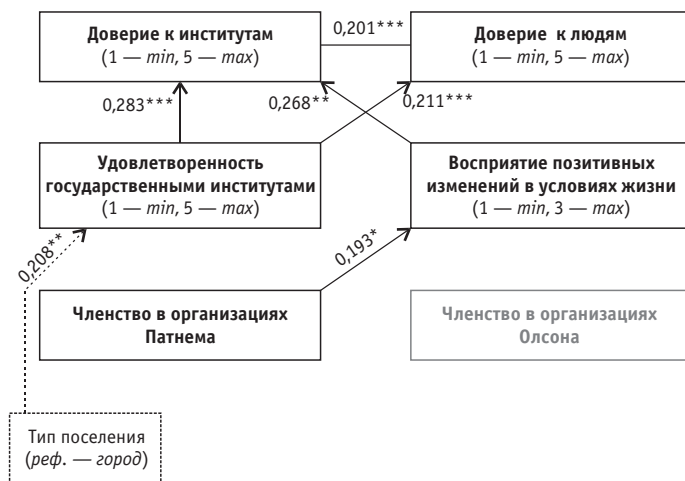
Рис. 4. Гипотетическая модель связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью: выбранные индикаторы

Моделирование осуществлялось как для Украины в целом, так и в региональном измерении. Разделение на регионы сделано следующим образом: Запад (Волынская, Закарпатская, Ивано-Франковская, Львовская, Ривненская, Тернопольская, Черновицкая области); Центр (Винницкая, Житомирская, Киевская, Кировоградская, Полтавская, Сумская, Хмельницкая, Черкасская, Черниговская области); Юг (Запорожская, Николаевская, Херсонская, Одесская области); Восток (Днепропетровская, Харьковская области); Донбасс (Донецкая, Луганская области).

Модели оценивались с помощью SEM — моделирования методом структурных уравнений. Качество моделей оценивалось по информационным критериям (AIC, BIC), критерию правдоподобия, а также показателям RMSEA, CFI и TLI. В качестве статистического программного обеспечения для анализа было использовано “R”, пакет “lavaan”. Пропущенные данные по всем анализируемым переменным были исключены.

(1) УКРАИНА (N = 1800); RMSEA = 0,006, CLI = 0,98, TLI = 0,997

(2) ЗАПАД (N = 345); RMSEA < 0,001, CLI = 1,00, TLI = 1,00

Рис. 5 (1–2). Результаты эмпирического моделирования связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью (на основе SEM)

Примечание: На рисунке обозначены не стандартизированные регрессионные коэффициенты с коэффициентами значимости: * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001. Стрелки обозначают связи между переменными. Прямоугольники с черной рамкой — индикаторы социального капитала и институциональной эффективности. Прямоугольники с пунктирной рамкой — контрольные переменные — социально-демографические характеристики, связанные с социальным капиталом или институциональной эффективностью. Серая рамка означает, что переменная не связана с формированием доверия.

Источник: Мониторинг ИС НАНУ, 2014, расчеты автора.

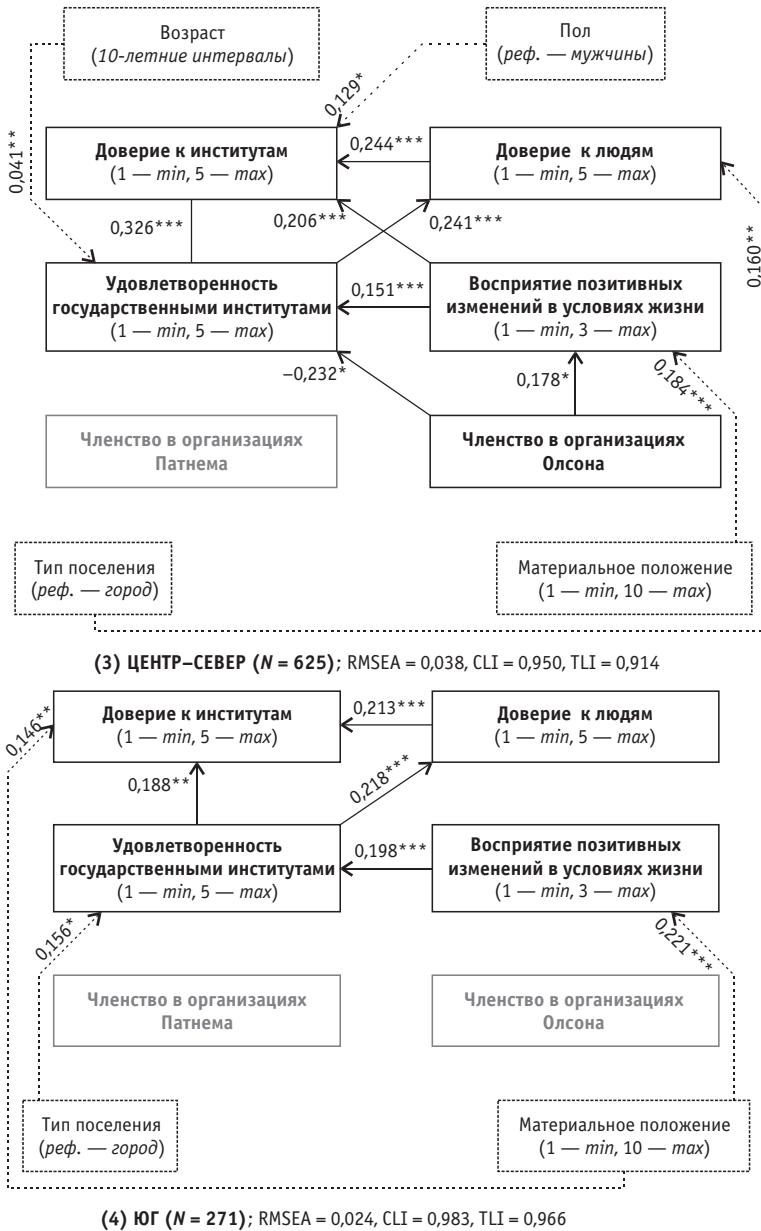

Рис. 5 (3–4). Результаты эмпирического моделирования связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью (на основе SEM)

Примечание: На рисунке обозначены не стандартизированные регрессионные коэффициенты с коэффициентами значимости: * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001. Стрелки обозначают связи между переменными. Прямоугольники с черной рамкой – индикаторы социального капитала и институциональной эффективности. Прямоугольники с пунктирной рамкой – контрольные переменные – социально-демографические характеристики, связанные с социальным капиталом или институциональной эффективностью. Серая рамка означает, что переменная не связана с формированием доверия.

Источник: Мониторинг ИС НАНУ, 2014, расчеты автора.

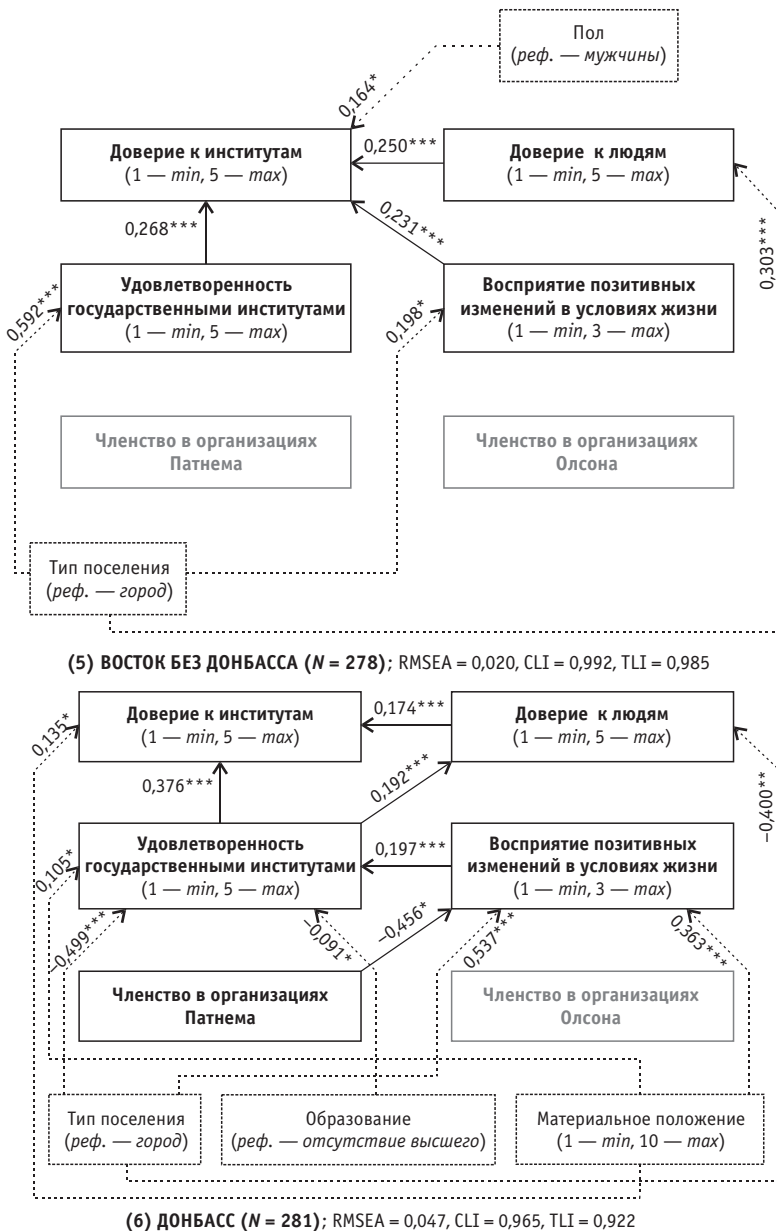

Рис. 5 (5–6). Результаты эмпирического моделирования связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью (на основе SEM)

Примечание: На рисунке обозначены не стандартизированные регрессионные коэффициенты с коэффициентами значимости: * < 0,05; ** < 0,01; *** < 0,001. Стрелки обозначают связи между переменными. Прямоугольники с черной рамкой — индикаторы социального капитала и институциональной эффективности. Прямоугольники с пунктирной рамкой — контрольные переменные — социально-демографические характеристики, связанные с социальным капиталом или институциональной эффективностью. Серая рамка означает, что переменная не связана с формированием доверия.

Источник: Мониторинг ИС НАНУ, 2014, расчеты автора.

Результаты моделирования приведены на рисунке 5 и в таблице 4. Для каждого региона и страны отобрана модель, которая лучше всего отвечает статистическим критериям качества. На рисунках обозначены только статистически значимые связи. Если такой связи выявлено не было, стрелка отсутствует. В случае контрольных переменных показаны только те факторы, которые продемонстрировали статистически значимые связи с индикаторами социального капитала или институциональной эффективности.

Таблица 4

**Прямые и непрямые эффекты* в модели связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью
(не стандартизированные регрессионные коэффициенты)**

<i>Связь с доверием к институтам</i>	Украина	Запад	Центр + Север	Юг	Восток	Донбасс
1	2	3	4	5	6	7
Удовлетворенность государственными институтами						
Прямой эффект	0,283	0,283	0,326	0,188	0,268	0,376
Непрямой эффект	0,045	0,042	0,059	0,046	–	0,033
Общий эффект	0,328	0,325	0,385	0,234	0,268	0,409
Восприятие позитивных изменений в условиях жизни						
Прямой эффект	0,226	0,268	0,206	–	0,231	–
Непрямой эффект	0,047	–	0,058	0,046	–	0,081
Общий эффект	0,273	0,268	0,264	0,046	0,231	0,081
Членство в организациях Олсона						
Прямой эффект	–	–	–	–	–	–
Непрямой эффект	0,034	–	–0,029	–	–	–0,038
Общий эффект	0,034	–	–0,029	–	–	–0,038
Членство в организациях Патнема						
Прямой эффект	–	–	–	–	–	–
Непрямой эффект	–	0,052	–	–	–	–0,037
Общий эффект	–	0,052	–	–	–	–0,037
<i>Связь с доверием к людям</i>	Украина	Запад	Центр + Север	Юг	Восток	Донбасс
Удовлетворенность государственными институтами						
Прямой эффект	0,204	0,211	0,241	0,218	–	0,192
Непрямой эффект	–	–	–	–	–	–
Общий эффект	0,204	0,211	0,241	0,218	–	0,192
Восприятие позитивных изменений в условиях жизни						
Прямой эффект	–	–	–	–	–	–
Непрямой эффект	0,029	–	0,036	0,043	–	0,038
Общий эффект	0,029	–	0,036	0,043	–	0,038
Членство в организациях Олсона						
Прямой эффект	–	–	–	–	–	–
Непрямой эффект	–	–	–	–	–	–0,017
Общий эффект	–	–	–	–	–	–0,017

Окончание табл. 4

1	2	3	4	5	6	7
Членство в организациях Патнема						
Прямой эффект	–	–	–	–	–	–
Непрямой эффект	0,004	–	0,006	–	–	–
Общий эффект	0,004	–	0,006	–	–	–

Примечание: Прямой эффект означает, что та или иная составляющая социального капитала имеет непосредственную связь с уровнем удовлетворенности социальными институтами. Непрямой эффект означает, что есть факторы, которые изменяют прямую связь, например, усиливают или ослабляют ее. Общий эффект — это сумма прямых и непрямых эффектов.

Все коэффициенты являются статистически значимыми ($p\text{-value} \leq 0,05$).

Источник: Мониторинг ИС НАНУ, 2014, расчеты автора.

Региональный уровень. Во всех регионах институциональная эффективность тем или иным способом связана с доверием. Во всех регионах кроме Востока удовлетворенность работой государственных институтов на местном уровне выражается в большем уровне доверия к институтам в целом, а также является источником генерализованного доверия. Можно утверждать, что положительный опыт коммуникации и взаимодействия с персоналом государственных институтов в этих регионах выражается не только в росте институционального доверия, но и доверия к людям в целом. На Востоке не обнаружено прямой связи между удовлетворенностью институтами и доверием к людям.

По сравнению с другими регионами на Востоке и Западе не зафиксировано прямой связи между ощущением положительных изменений и удовлетворенностью государственными институтами, хотя в Центре, на Севере и Донбассе эти факторы связаны. Очевидно, в этих регионах восприятие институциональной эффективности объясняется не столько объективным или субъективным опытом положительных оценок условий жизни, сколько другими факторами. Это означает, что и на Востоке, и на Западе субъективное улучшение ситуации в условиях жизни, безопасности, медицинском обслуживании не воспринимается в связи с работой институтов, по крайней мере государственных институтов местного уровня.

Довольно неоднозначны результаты относительно общественного участия. На Юге и Востоке ни членство в организациях Патнема, ни членство в организациях Олсона не связаны с восприятием позитивных изменений и удовлетворенностью работой институтов. Также общественное участие в этих регионах, по крайней мере в пределах членства в общественных организациях, не имеет прямых или косвенных связей с доверием. В этих регионах общественное участие не является источником институциональной эффективности и формирования пространства доверия. Такие результаты, с одной стороны, могут быть следствием доминирования формального членства, когда участие есть только “на бумаге” и не формирует социальный капитал через реальные коллективные действия для решения проблем. Вместе с тем, на Донбассе, как и на Западе, установлена положительная связь между участием в организациях Патнема и ощущением положительных изменений в условиях жизни, а также, соответственно, косвенные связи с

удовлетворенностью институтами и доверием. В Центрально-Северном регионе такой эффект присущ только организациям Олсона. Учитывая, что членство в организациях Олсона и Патнема примерно одинаково распределены среди регионов, нельзя объяснить такие различия разной представленностью отдельных типов организаций. Скорее всего, различие эффектов организаций Олсона и Патнема является результатом разной эффективности таких организаций в регионах в качестве инструмента решения коллективных и индивидуальных проблем.

Во всех регионах доверие к институтам формируется как “сверху” — через институциональную эффективность, так и “снизу” — через общее доверие к людям. Расчет кумулятивных эффектов (прямых и косвенных) показывает, что формирования доверия посредством увеличения эффективности институтов будет иметь наименьшую результативность на Юге. Усиление прозрачности, подотчетности и действенности институтов также стимулирует рост генерализованного доверия, однако этот механизм может не сработать на Востоке, где доверие к людям детерминируется другими факторами.

Роль социально-демографических факторов существенно варьирует по регионам. На Западе только тип поселения обуславливает отличия в механизме связей между общественным участием, доверием и институциональной эффективностью: жители сел в большей степени демонстрируют удовлетворенность государственными институтами на местном уровне. На Юге, Востоке и Донбассе также зафиксированы подобные результаты, однако и другие факторы имеют значение. На Востоке и Донбассе тип поселения определяет не только удовлетворенность институтами, но и уровень восприятия позитивных изменений в условиях жизни. Соответственно в этих регионах среди жителей сельской местности роль институциональной эффективности в качестве источника доверия является большей по сравнению с жителями городов. В Центрально-Северном регионе тип поселения связан непосредственно с доверием к людям: жители сел больше доверяют людям, чем жители городов.

Материальное положение определяет уровень восприятия позитивных изменений в Центрально-Северном регионе, на Юге и Донбассе. В этих регионах доверие к государственным институтам существенно возрастает с улучшением материального благосостояния. В этих регионах важна стратегия развития социального капитала через улучшение экономических условий. Особенно существенно значение материального фактора на Донбассе. Субъективная самооценка материального благосостояния является той характеристикой, которая непосредственно детерминирует как восприятие институциональной эффективности, так и доверие.

Влияние образования на механизм связей между социальным капиталом и институциональной эффективностью зафиксировано только на Донбассе. Более образованное население склонно к меньшей удовлетворенности государственными институтами и, соответственно, имеет меньший уровень институционального и генерализованного доверия. В этом регионе очень важно внедрять инициативы по укреплению социального капитала через институт образования.

Национальный уровень. Моделирование на национальном уровне подтверждает, что общественные организации Олсона и Патнема играют различную роль в решении проблем и развитии доверия. Согласно результатам

моделирования, только члены организаций Олсона в целом более позитивно оценивают имеющиеся изменения в условиях жизни по сравнению с остальным населением, а среди членов и нечленов организаций Патнема не обнаружено связи с ощущением положительных изменений. Очевидно, на национальном уровне членство в профессиональных объединениях и политических партиях, которые являются основными примерами организаций Олсона, все же является более эффективным в контексте достижения интересов по сравнению с другими организациями.

Подтверждается гипотеза, что те, кто ощущает положительные изменения, в большей степени удовлетворены государственными институтами. Поскольку данные свидетельствуют, что удовлетворенность институтами может быть источником роста доверия к ним, общественное участие в пределах организаций Олсона имеет косвенную связь с доверием институтам.

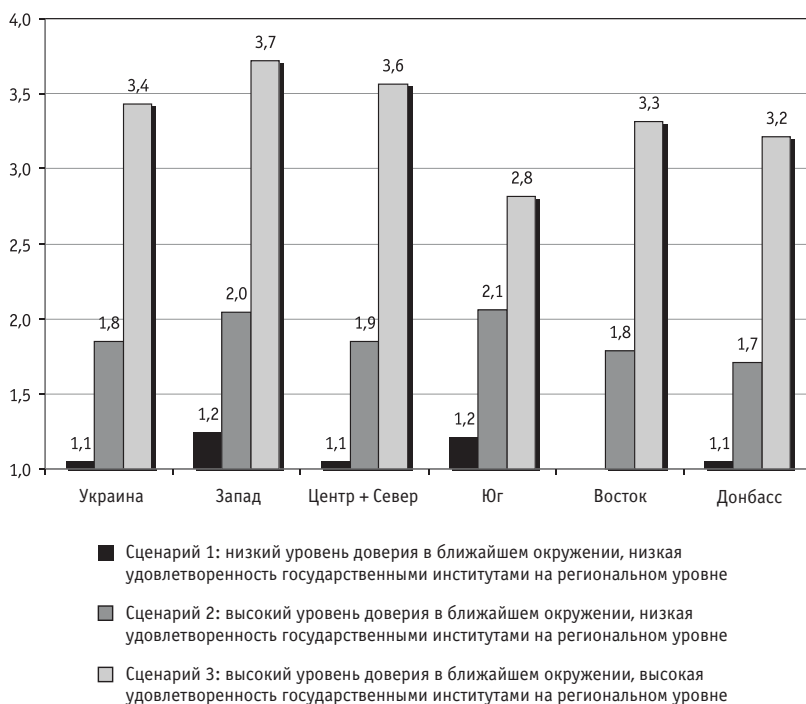

Рис. 6. Прогнозируемый уровень институционального доверия (1 — min, 5 — max) в зависимости от разного уровня доверия в сети ближайшего окружения и институциональной эффективности в региональном измерении, в пунктах (на основе результатов моделирования)

Доверие к институтам формируется как через институциональную эффективность, так и через доверие к людям, однако влияние первого фактора значительно больше (рис. 6). Прогнозирование по разным сценариям свидетельствует, что в случае высокого доверия к людям в сети ближайшего окружения при неудовлетворенности действиями государственных институтов, как на национальном, так и региональном уровне, институциональное доверие будет ниже среднего уровня. Однако в случае, когда доверие к людям сочетается с удовлетворенностью институтами, уровень институ-

ционального доверия стремительно растет. Вместе с тем следует подчеркнуть, что вклад институциональной эффективности в формирование доверия к институтам значительно меньше на Юге по сравнению с другими регионами. Очевидно, в этом регионе дезинтеграция общества и государственных институтов особенно высока.

Выводы

Проведенное исследование было направлено на изучение тенденций формирования социального капитала в регионе ЦВЕ, в том числе определение тех стратегий и мер, которые могут быть полезными для украинского общества на пути реформ и модернизации. Ключевая роль социального капитала состоит в его способности трансформировать активы связей в коллективное действие, например, через участие в организациях гражданского общества для решения определенных проблем; в свою очередь, успешная кооперация разных сторон обеспечивает эффективность социальных институтов и формирует доверие.

Установлено, что Украина и другие страны ЦВЕ подобны в своих проблемах относительно производства социального капитала, однако уровень распространенности таких проблем и их острота в украинском обществе значительно больше. Неформализация связей, негативный социальный капитал, выраженный в коррупции и клиентизме, низкий уровень институционального доверия — по всем этим показателям новые члены ЕС, принадлежащие к ЦВЕ, находятся в лучшем положении по сравнению с нашей страной.

Существует опыт, что негативные проявления социального капитала в регионе ЦВЕ частично определяются коммунистическим прошлым, а также являются результатом сложностей трансформационных процессов. Модели неформальных связей, унаследованные от советского периода, еще продолжают влиять на модернизацию украинского общества, в котором постоянная нехватка доверия к государственным институтам компенсируется использованием личных отношений. Хотя такая сетевая экономика защищает людей от “жесткости” рынка и реформ, она стимулирует рост негативного социального капитала. Если формальная система способна производить и распространять товары и услуги, необходимые для всех членов общества, неформальные решения будут не столь необходимыми и менее распространенными.

Учитывая, что Украина, как и другие страны ЦВЕ, все еще находится в стадии трансформации, в том числе масштабной институциональной реструктуризации, для развития социального капитала очень важно, чтобы неформальные институты развивались параллельно формальным институтам, обеспечивая комплементарность. Если этот процесс успешен, трансакционные издержки институциональных изменений, выраженные в виде негативных последствий, таких как коррупция и уклонение от уплаты налогов, будут уменьшаться. С другой стороны, если формальные и неформальные институты находятся в конфликте, можно ожидать усиления негативного социального капитала.

Очевидно, что неопределенность в отношении границ, военные действия, многочисленные социально-экономические риски, связанные с безработицей и нестабильностью валюты, уменьшают положительные ожидания отно-

сительно будущего и формируют пространство недоверия, что создает риск усиления неформализации. Результаты моделирования свидетельствуют, что в настоящее время общественное участие не является тем ресурсом, который может в полной мере обеспечить минимизацию негативных последствий реформ и формирование пространства доверия. Вместе с тем развитие доверия “сверху”, посредством административного обеспечения прозрачности, подотчетности и эффективности государственных институтов сегодня является оптимальной краткосрочной стратегией для формирования социального капитала в стране, где активы гражданского общества все еще остаются низкими. Бесспорно, события последнего года свидетельствуют о значительном росте волонтерства и готовности к общественному контролю¹, однако механизмы реализации такого участия на государственном и региональном уровне все же остаются слабыми. Долгосрочной стратегией инвестирования в социальный капитал должно стать создание благоприятных условий для развития гражданского общества, главным образом, в области распространения механизмов прямой и консенсусной демократии, улучшения экономических условий и стандартов жизни, развития ценностей кооперации, участия и сплоченности посредством института образования.

Стратегии укрепления социального капитала должны обязательно учитывать региональные особенности. Эмпирически подтверждено, что формирование доверия посредством увеличения эффективности институтов будет иметь наименьшую результативность на Юге. На Юге и Востоке членство в общественных организациях сегодня не приводит к росту удовлетворенности работой институтов и формированию доверия. На Западе производство социального капитала осуществляется главным образом через организации Патнема, а в Центрально-Северном регионе — через организации Олсона. Донбасс в настоящее время является единственным регионом, где самооценка материального благосостояния является одним из ключевых факторов, определяющих как субъективное восприятие эффективности государственных институтов, так и уровень доверия. Формирование социального капитала в этом регионе невозможно без улучшения экономических условий. Учитывая, что из-за военных действий и постоянного роста числа беженцев экономическое развитие этого региона является проблематичным, возможной стратегией является инвестирование в организационный потенциал бедных — содействие строительству “мостов” между общественными организациями и незащищенными социальными группами.

Для политической стабильности, эффективности правительства, а также экономического прогресса критически важно формировать социальный капитал в процессе трехсторонней кооперации между государством, обществом и рынком. Для украинского общества важно усвоить парадигму ЕС относительно политики социальной сплоченности. Эта парадигма основана на выработке компромисса в отношениях между центральным прави-

---

¹ По данным GfK-Украина за ноябрь 2014 года 23% украинцев занимались волонтерством когда-либо в жизни, а 9% начали заниматься волонтерством в течение последнего года. Источник: Волонтерський рух в Україні [Електронний ресурс] / Підготовлено GfK Ukraine на замовлення Організації Об'єднаних Націй в Україні. — 2014. — Режим доступа: http://www.gfk.com/ua/Documents/Presentations/report_vyshlisky.pdf.

тельством и региональными органами власти и предоставляет негосударственным субъектам решающую роль в выработке политики.

Успешные реформы обязательно должны сочетать как политическую волю, так и укрепление социального капитала, в первую очередь, доверия, что станет своеобразной “смазкой” для минимизации негативных последствий трансформаций.

Источники

Балакірева О.М. Українська весна. Моніторинг громадської думки населення України: березень 2014 р. [Електронний ресурс] / О.М. Балакірева, Д.А. Дмитрук // Прес-реліз Центру “Соціальний моніторинг” Українського інституту соціальних досліджень ім. О. Яременка та відділу моніторингових досліджень соціально-економічних трансформацій Інституту економіки та прогнозування НАН України, 2014. — Режим доступу: http://ief.org.ua/wp-content/uploads/2014/06/monitoring_Ukrayinska-vesna_IEP-2.pdf.

Середя Ю.В. Соціальний капітал в Україні та інших країнах Європи: легітимність агрегованого конструкту / Ю.В. Середя // Український соціум. — 2013. — № 4 (47). — С. 81–97.

Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг / за ред. В. Ворони, М. Шульги. — К.: Ін-т соціології НАН України, 2013. — 566 с.

Badescu G. Social Capital and the Transition to Democracy / G. Badescu, E.M. Uslaner (eds). — L.; N.Y.: Routledge, 2003. — 256 p.

Böröcz J. Stimulating the Great Transformation: Property Change Under Prolonged Informality in Hungary / J. Böröcz // Archives européennes de sociologie. — 1993. — № 34 (1). — P. 81–107.

Castells M. World Underneath: The Origins, Dynamics, and Effects of the Informal Economy / M. Castells, A. Portes // The Informal Economy: Studies in Advanced and Less Developed Countries / A. Portes, A.M. Castells, L. Benton (eds). — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1989. — P. 11–41.

Fidrmuc J. Formation of Social Capital in Central and Eastern Europe: Understanding the Gap Vis-À-Vis Developed Countries [Electronic resource] / J. Fidrmuc, K. Gérxhani // CEPR discussion paper no. 5068, 2005. — London: Centre of Economic Policy Research. — Access mode: <http://deepblue.lib.umich.edu/bitstream/handle/2027.42/40152/wp766.pdf?sequence=3&isAllowed=y>.

Flap H. Communist Societies, the Velvet Revolution, and Weak Ties: The Case of East Germany / H. Flap, B. Völker // Social Capital and the Transition to Democracy / G. Badescu, E.M. Uslaner (eds). — L.; N.Y.: Routledge, 2003. — P. 28–45.

Grudeland Å.B. Informality and Informal Practices in East Central and South East Europe' Complex Europe [Electronic resource] / Å.B. Grudeland, A. Aasland // CERC Working Paper. — 2007. — No. 3. — Access mode: https://www.academia.edu/3058305/%C3%85se_B_Gr%C3%B8deland_and_Aadne_Aasland_Informality_and_Informal_Practices_in_East_Central_and_South_East_Europe_CERC_Working_Paper_Series_No.3_2007.

Guasti P. Informal Institutions and EU Accession: Corruption and Clientelism in Central and Eastern Europe [Electronic resource] / P. Guasti, B. Dobovsek // Paper presented at ECPR General Conference in Reykjavik, Iceland. — 2011. — Access mode: <http://ecpr.eu/filestore/paperproposal/55210a55-9335-4431-a0f6-d06a1097aca4.pdf>.

Knack S. Does Social Capital Have an Economic Payoff? A Cross-Country Investigation / S. Knack, P. Keefer // Quarterly Journal of Economics. — 1997. — № 112. — P. 1251–1288.

Levi M. Social and Unsocial Capital: A Review Essay of Robert Putnam's Making Democracy Work / M. Levi // Politics and Society. — 1996. — No. 24 (1). — P. 45–55.

Lowndes V. Social Capital and Local Governance: Exploring the Institutional Design Variable / V. Lowndes, D. Wilson // *Political Studies*. — 2001. — No. 49 (4). — P. 629–647.

Mateju P. Social Capital: Problems of its Conceptualization and Measurement in Transforming Societies [Electronic resource] / P. Mateju // Paper presented at the OECD-ONS Conference on Social Capital Measurement, London, UK. — 2002. — Access mode : <http://www.oecd.org/innovation/research/2380501.pdf>.

Murray C. Social Capital and Cooperation in Central and Eastern Europe: A Theoretical Perspective [Electronic resource] / C. Murray // ICAR Discussion Paper, Humboldt University of Berlin. — 2005. — No. 9. — Access mode : <http://www.agrar.hu-berlin.de/institut/departments/daoe/ress/publikationen/icarreihe/icar/092005murray.pdf>.

Parts E. The Dynamics and Determinants of Social Capital in the European Union and Neighbouring Countries [Electronic resource] / E. Parts // WP5/01 SEARCH Working Paper. — 2013. — Access mode : <http://www.ub.edu/searchproject/wp-content/uploads/2013/01/WP-5.1.pdf>.

Petro N.N. Creating Social capital in Russia: The Novgorod Model / N.N. Petro // *World Development*. — 2001. — Vol. 29 (2). — P. 229–244.

Radaev V. How Trust is Established in Economic Relationships When Institutions and Individuals Are Not Trustworthy: The Case of Russia / V. Radaev // *Creating Social Trust in Post-Socialist Transition* / J. Kornai, B. Rothstein, S. Rose-Ackerman (eds). — N.Y. : Palgrave Macmillan, 2004. — P. 91–110.

Raiser M. Informal Institutions, Social Capital and Economic Transition: Reflections on a Neglected Dimension [Electronic resource] / M. Raiser // EBRD Working paper. — 1997. — No. 25. — Access mode : <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.194.8230&rep=rep1&type=pdf>.

Raiser M. Trust in Transition: Cross-Country and Firm Evidence [Electronic resource] / M. Raiser, A. Rousso, F. Steves // EBRD Working paper. — 2003. — No. 82. — Access mode : <http://www.ebrd.com/downloads/research/economics/workingpapers/wp0082.pdf>.

Rose R. Social Capital in Civic and Stressful Societies / R. Rose, W. Mishler, C. Haerper // *Studies in Comparative International Development*. — 1997. — Vol. 32 (3). — P. 85–111.

Sik E. Network Capital in Capitalist, Communist, and Postcommunist Countries / E. Sik, B. Wellman // *Networks in the Global Village: Life in Contemporary Communities* / B. Wellman (eds). — Boulder : WestviewPress, 1999. — P. 225–255.

Torsello D. Trust, Kinship and Civil Society in a Post-socialist Slovakian Village / D. Torsello // *Sociológia*. — 2008. — Vol. 40 (6). — P. 514–529.

Uslaner E.M. Trust and Civic Engagement in East and West // *Social Capital and the Transition to Democracy* / G. Badescu, E.M. Uslaner (eds). — L. ; N.Y. : Routledge, 2003. — P. 81–94.

Welzel C. Social Capital, Voluntary Associations and Collective Action: Which Aspects of Social Capital Have the Greatest “Civic” Payoff? / C. Welzel, R. Inglehart, F. Deutsch // *Journal of Civil Society*. — 2005. — № 1 (2). — P. 121–146.